

ПРАВО НА ДОСТУП К ИНТЕРНЕТУ И СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Элина СИДОРЕНКО, Никита МОЛЧАКОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В работе предложена системная оценка права на Интернет в контексте современных правовых и политических вызовов. Авторы обосновывают тезис о том, что право на Интернет – это комплексная категория, которая не может быть рассмотрена исключительно в плоскости обеспечения технических возможностей и преодоления цифрового разрыва (неравенства) между различными социальными группами и государствами. Гораздо более сложным и важным является рассмотрение права на Интернет в срезе корреспондирующей обязанности государств не препятствовать возможности информационного обмена через Интернет, а также в плоскости поиска «золотой середины» между правом на Интернет и естественными правами человека. С учетом изложенного основной целью исследования стало определение основных признаков права на Интернет в контексте прав и свобод человека и гражданина и анализ основных проявлений цифровой дискриминации как следствия цифрового разрыва.

Достижению поставленной цели способствовала развернутая методологическая основа исследования. В основу работы был положен системный метод, позволивший рассмотреть право на Интернет как сложную и динамично развивающуюся правовую и политическую категорию. Авторами применялись функциональный и логические (дедукция, индукция и аналогия) методы, а также ряд частнонаучных методов: исторический, социологический и статистический. Предложенный в работе подход к определению ключевых параметров права на Интернет обосновывался преимущественно на основе применения сравнительно-правового, формально-юридического и аксиологического методов.

Широкая методология исследования позволила сформулировать и обосновать вывод о том, что право на Интернет в условиях современных правовых и политических вызовов подвергается качественной трансформации как в направлении расширения позитивных обязательств государства преодолевать цифровой разрыв, так и в направлении ограниче-

Сидоренко Элина Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций ИМИ, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-4741-0184. Email: e.l.sidorenko@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Молчаков Никита Юрьевич – кандидат юридических наук, декан Международно-правового факультета, доцент кафедры конституционного права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ния права на свободу Интернет-общения под эгидой обеспечения права на частную жизнь и необходимости соблюдения публичных интересов. Наличие «двойных стандартов» в определении границ права на Интернет приводит к противоречивым правовым решениям и позволяет прогнозировать обострение этого противоречия в условиях стремительного развития цифровых платформ и активной санкционной политики коллективного Запада.

Ключевые слова: право на Интернет, цифровой разрыв, цифровая дискриминация, тайна частной жизни, свобода слова, права и обязанности, цифровизация, цифровые платформы

Введение

Тотальная информатизация общества с неизбежностью приводит к переосмыслению устоев социального и государственного развития. Если ранее ключевым фактором благосостояния личности и государства являлись материальные блага, то в настоящее время им на смену приходит информация. Сравнивая показатели 2020 и 2021 гг., «Hootsuite» и «We Are Social» отмечают, что сегодня уровень проникновения Интернета в жизнь мирового населения приблизился к 60%. Только за год на полмиллиарда возросло количество новых пользователей в социальных сетях, 1,3 млрд лет проведено в интернете, триллионы долларов потрачены в онлайн-магазинах¹. В своем докладе «*Global Digital 2021*» они также отмечают, что мобильными телефонами владеет более 66% мирового населения, то есть 5,22 млрд человек. При этом с января 2020 г. количество уникальных мобильных пользователей выросло на 1,8% (93 млн), в то время как общее количество мобильных подключений увеличилось на 72 млн (0,9%) и достигло 8,02 млрд к началу 2021 г. Что же касается Интернета, то им пользуются 4,66 млрд человек. По сравнению с 2020 г. количество пользователей увеличилось более чем на 7%².

О тотальной информатизации свидетельствуют и данные о пользовании социальными сетями. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. количество пользователей увеличилось на 316 млн и совокупно составляет 4,20 млрд человек³. Эти цифры коррелируют с данными Международного союза электросвязи. В докладе «Измерение цифрового развития: цифры и факты 2021» отмечается, что 95% мирового населения имеют доступ к сети мобильной широкополосной связи. В 2021 г. 4,9 млрд человек стали пользоваться Интернетом. Это озна-

¹ Digital 2021. Global overview report. Hootsuite (n.d.). Available at: <https://oscartranads.com/wp-content/uploads/2021/02/oscartra-nads-global-overview-report-share.pdf> (accessed 03 October 2022).

² Там же.

³ Там же.

чает, что 63% населения имеет доступ к Интернету. Только за год проникновение сетей увеличилось в среднем более чем на 20% в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴.

Активная цифровизация всех без исключения сфер общественной жизни делает государство заложником конфликта смыслов реального и виртуального пространств. Наиболее ярко этот конфликт выражается в праве человека на доступ к Интернету.

Вопрос о содержании этого права в настоящее время не только не решен, но и в полной мере не поставлен. Поводом для дискуссии служит как его юридическая природа, так и особенности реализации.

Дело в том, что изначально Интернет развивался вне рамок права в соответствии с принципами Силиконовой долины. Он был виртуальной территорией свободы, которой свойственны нейтральность, открытость и отсутствие иерархии⁵. Фактически в то время была заложена основа нового мировоззренческого подхода – кибероптимизма, который в последующем привел к формированию «Доктрины *Google*»: «Всеобщий доступ к глобальной сети есть общественное благо» (Асочаков, 2015: 96).

Именно эта доктрина стала ключевым аргументом в дискурсе о «новом мировом правопорядке» и одновременно мощным толчком к рассмотрению права на Интернет как неотъемлемого права личности.

На международном уровне этот подход был впервые закреплен Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2003 г. На 32-й сессии в Париже была принята Рекомендация о поощрении и использовании многоязычия и универсальном доступе к киберпространству⁶. В частности, отмечалось, что «государствам-членам и международным организациям следует признать и оказывать поддержку всеобщему доступу к Интернету в качестве одного из средств содействия осуществлению прав человека, указанных в статьях 19 и 27 Всеобщей декларации прав человека. Государствам-членам и международным организациям следует содействовать доступу к Интернету как к общественной информационной службе путем принятия соответствующей политики в целях активизации процесса расширения прав граждан и гражданского общества».

⁴ Measuring digital development Facts and figures 2021. International Telecommunication Union Official Web-Site (n.d.). Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2021.pdf> (accessed 03 October 2022).

⁵ Packer G. (2013) Change the World: Silicon Valley transfers its slogans – and its money – to the realm of politics. *The New Yorker*, 27 May. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2013/05/27/change-the-world> (accessed 03 October 2022).

⁶ Recommendation concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace. UNESCO Official Web-Site (n.d.). Available at: <https://en.unesco.org/themes/linguistic-diversity-and-multilingualism-internet/recommendation> (accessed 03 October 2022).

Позднее специальный докладчик Совета ООН по правам человека Франк Ла Рю в докладе A/HRC/17/27 2011 г. указал на необходимость рассмотрения Интернета как средства осуществления права на свободное выражение мнений. По его мнению, *«Интернет может соответствовать своему назначению только при условии выполнения государствами своих обязательств по разработке эффективной политики, направленной на обеспечение всеобщего доступа к информации»*⁷.

Совет ООН по правам человека в 2012 г. принял резолюцию A/HRC/20/L.13, в которой поддержал этот тезис и призвал государства поощрять и облегчать доступ к Интернету⁸.

В последующих международных документах (резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. № A/RES/70/1 «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁹, резолюции Совета ООН по правам человека 2016 г. № A/HRC/RES/32/13 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете»¹⁰, Директиве № 2018/1972 Европейского парламента и Совета ЕС¹¹) фокус анализа смещается с аксиологических аспектов проблемы в сторону рекомендаций для государств не допускать цифровое неравенство.

Однако несмотря на провозглашение доступа к Интернету в качестве неотъемлемого условия реализации прав человека и предупреждения цифрового неравенства, ни в одном международном документе право на Интернет не было прямо признано самостоятельным естественным правом человека.

Именно это обстоятельство было принято во внимание киберскептиками, отрицающими право на Интернет как отдельное юридически значимое благо.

Дополнительным аргументом в пользу данного утверждения служит закрепление в национальном законодательстве доступа к Интернету в качестве важного условия реализации другого права – права на информацию (Конституции Португалии, Греции, Коста-Рики, Непала и др.).

⁷ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю (2011) Официальный сайт Организации объединенных наций, 16 мая. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/706331/files/A_HRC_17_27-RU.pdf?ln=ru (дата обращения: 03.10.2022).

⁸ Совет по правам человека: Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете (2016) Официальный сайт Организации Объединенных Наций, 27 июня. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G12/147/12/PDF/G1214712.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.10.2022).

⁹ Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 "Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development". United Nations Official Web-Site. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/gen-eralassembly/docs/globalcompact/A_RES_70_1_E.pdf (accessed 03 October 2022).

¹⁰ Резолюция, принятая Советом по правам человека 1 июля 2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G16/156/92/PDF/G1615692.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.10.2022).

¹¹ Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code (Recast)Text with EEA relevance. EUR-lex. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L1972&from=EN> (accessed 03 October 2022).

Обосновывая данный подход, Дж. Томалти отмечает, что *«доступ к Интернету не может рассматриваться как универсальное естественное право, поскольку природа человека не предполагает доступа к Интернету, люди веками жили без него без ущерба для своей природы и, возможно, будут обходиться без него и в будущем, если на смену Интернету придут новые более эффективные технологии. Отсюда: доступ к Интернету собственной аксиологической ценности не имеет, он важен исключительно как средство реализации других прав»* (Tomalty, 2017).

В качестве довода «против» приводится и тот аргумент, что поспешное включение права на Интернет в группу прав человека будет служить размыванию самой концепции прав и ослаблению их значимости (инфляция влияния).

Одновременно признавая состоятельность доводов и кибероптимистов, и киберскептиков, полагаем, что вопрос о самостоятельности права на доступ к Интернету не может быть рассмотрен исключительно в ключе аксиологических категорий прав и свобод. Гораздо более важным является обращение к рассуждениям о круге лиц, обязанных обеспечивать это право, содержании этих обязательств и наличии объективных возможностей их исполнить.

Долгое время Интернет воспринимался как техническое изобретение, облегчающее доступ к информации. И это информационно-технологическое понимание и явилось основным препятствием к признанию права на Интернет самостоятельным благом.

Интересное сравнение предлагает В. Дж. Серф: *«Интернет подобен лошади. Он исторически преходящий инструмент. Лошадь когда-то была незаменима для жизни человека, но теперь на смену пришли сто лошадей под капотом машины»* (Serf, 2012: 87).

Интерес представляет подход, позволяющий рассматривать право на Интернет с позиции классификации прав человека Карела Васака. В частности, Н.В. Варламова предлагает определять право на Интернет как *«право беспрепятственного подключения к Интернету и осуществления в нем различных видов деятельности»*. По мнению автора, оно охватывает притязания, которые по своей юридической природе относятся к первому и второму поколению прав. «Притязания в рамках прав первого поколения сводятся к свободе от какого бы то ни было вмешательства со стороны как государства, так и частных лиц в отношении доступа к сети «Интернет» в целом и любым Интернет-ресурсам и их использования (получения и распространения информации, установления и поддержания коммуникации и т.п.). Как право первого поколения, доступ к Интернету предполагает негативные обязательства государства не запрещать и не ограничивать доступ к Интернету и его позитивные обязательства по установлению правового регулирования доступа к Интернету, в том числе его допустимых ограничений и предоставлению защиты от неправомерных ограничений» (Варламова, 2019: 35).

Дифференциация подходов в зависимости от принадлежности к первому или второму поколению прав, в конечном счете сводится к традиционному противопоставлению экономических, социальных и культурных прав правам личным и политическим. Природа первого поколения прав состоит в свободе человека и принятии государством на себя обязательств не вмешиваться в определенные сферы жизни человека, второе поколение предполагает активную роль государства в реализации прав.

Рассмотрение права на доступ к Интернету с позиции права первого поколения вызывает ожидаемый конфликт с близким по содержанию правом на свободу слова. Как верно отмечает Ф. Фонтанелли, *«в практическом аспекте понимание свободы доступа к Интернету как аспекта свободы выражения и свободы информации целесообразнее, поскольку в данном случае более очевидна возможность экстраполяции на эти отношения сложившихся подходов к обеспечению соответствующих прав»* (Fontanelli, 2016).

Гораздо более важно говорить о праве на доступ к интернету как о праве второго поколения. С одной стороны, это позволяет более рельефно обозначить обязанность государства создавать технические возможности к подключению. С другой – объяснить необходимость и важность преодоления цифрового разрыва как по территориальному, так и по гендерному, возрастному, образовательному и иным признакам.

Но в то же время здесь важно учесть возможный риск огосударствления Интернета, появления необоснованных ограничений как по точкам доступа, так и по контенту.

Исследование

Проведенное исследование позволяет предположить, что право на доступ к Интернету как самостоятельная юридическая категория может быть рассмотрено исключительно в рамках второго поколения прав.

Праву граждан на доступ к Интернету в рамках относительных правоотношений корреспондируют следующие обязанности государства: обеспечить бесперебойный доступ к информационным ресурсам, преодолеть цифровой разрыв и не допустить цифровое неравенство (цифровую дискриминацию в техническом смысле этого слова).

Что же касается прав первого поколения, то здесь право на доступ к Интернету выступает как дополнительное условие реализации таких естественных прав человека, как свобода слова, мнений и информации. В этом случае праву лица корреспондирует обязанность не запрещать и не ограничивать право на доступ к Интернету исключительно в контексте выражения мнения и получения информации.

Данный подход позволяет предложить следующую матрицу анализа права на Интернет:

1) рассмотрение данного права как права второго поколения, реализуемого в рамках относительных правоотношений «личность – государство». Право лица пользоваться Интернетом вытекает из обязательств государства

обеспечить технические возможности и преодолеть цифровой разрыв между различными социальными группами;

2) оценка доступа к Интернету в контексте абсолютного права лица на беспрепятственное использование информации и реализацию свободы слова. В этой среде рассматриваемое право выступает как условие реализации традиционных естественных прав первого поколения и предполагает корреспондирующие обязательства международного сообщества, государства и неограниченного круга лиц не запрещать и не ограничивать доступ в Интернет.

Предложенный подход позволяет не только систематизировать представления о способах реализации права на Интернет, но и определить основные проявления цифровой дискриминации в данной сфере.

На основе предложенной классификации можно условно выделить два сценария нарушения права на доступ к Интернету:

- сценарий технологической цифровой дискриминации;
- сценарий гражданско-правовой цифровой дискриминации¹².

Фактически речь идет о моделях ограничения прав лиц, представленных в рамках отдельных – относительно самостоятельных – паттернах поведения политических элит и отдельных граждан.

Право на Интернет и модель технологической цифровой дискриминации

Данный сценарий напрямую связан с термином «цифровой разрыв», выражающий фактическую разницу в степени доступности ИКТ для различных людей. Цифровая дискриминация является следствием цифрового разрыва и состоит в «неравенстве социальных и экономических возможностей для разных групп людей (Сафиуллин, Моисеева, 2019).

Цифровой разрыв может принимать различные формы:

1. Разрыв в использовании Интернета. Он определяет возможности доступа отдельных лиц и социальных групп к информационно-коммуникационным технологиям;
2. Разрыв по качеству использования технологий. Этот показатель определяется не только качеством Интернета, но и техническими навыками пользователей (Артемова, Жильцов, Чердаков, 2020).

По данным Международного союза электросвязи, несмотря на повсеместное внедрение Интернета, сохраняется большой разрыв между теми, кто пользуется и не пользуется информационными технологиями: около 2 млрд человек живут в автономном режиме. Наблюдается заметный разрыв между городскими и сельскими пользователями Интернета: первых в два раза больше, чем вторых. Сохраняется также гендерная и возрастная асимметрия.

¹² В основу данного определения легло представление о личных правах и свободах человека как о гражданских правах.

В возрасте от 15 до 24 лет Интернетом пользуется 71% населения, в то время как в других возрастных группах этот показатель не превышает 57%. В числе пользователей 62% мужчин и 57% женщин¹³.

В России сокращение цифрового разрыва осуществляется в рамках проекта «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика». Предполагается, что к 2030 г. к беспроводному Интернету будет подключено около 24 тыс. населенных пунктов численностью 100–500 человек. Сейчас подключены 12,5 тыс. В настоящее время эта задача выполнена лишь наполовину.

По данным Росстата, в конце 2020 г. доступа к Интернету не было у 28,6% семей. Самый сильный цифровой разрыв зафиксирован у деревень численностью до 200 и до 1000 человек – в Сеть выходит 48,5% и 49,7% семей соответственно¹⁴.

Существенный разрыв в доступности Интернета между городом и сельской местностью объясняется отсутствием как технической возможности подключения, так и относительно высокой для селянина стоимости Интернета. В цифровых навыках сельское население также заметно (в пределах 11–18%) уступает городскому (Шабунова, Груздева, Калачикова, 2020).

Несмотря на принятие мер, направленных на предупреждение технологической цифровой дискриминации, эффективное решение этой задачи только предстоит выработать.

Признавая право на Интернет правом личности второго поколения, государство должно минимизировать цифровое неравенство. Именно комплекс позитивных обязанностей публичных институтов и формирует содержание относительных правоотношений по реализации права на доступ к Интернету как права второго поколения.

Вопрос, однако, заключается в том, какие обязательства государством должны быть фактически реализованы.

Этот дискурс не является новым и уже прошел несколько этапов. Изначально обязательства публичных институтов ограничивались фактическим (физическим) доступом к информационно-коммуникационной инфраструктуре (Comraine, 2001). Затем был сделан акцент на обеспечении развития цифровых навыков пользователей (Norris, 2001). Наконец, третий этап развития можно охарактеризовать как смещение интересов в сторону доступности предоставления публичных услуг в Интернете (Вартанова, Вихрова, 2020).

¹³ Measuring digital development Facts and figures 2021. International Telecommunication Union Official Web-Site (n.d.). Available at: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/FactsFigures2021.pdf> (accessed 03 October 2022).

¹⁴ Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть (2021) РБК, 13 декабря. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обращения: 03.10.2022).

Как отмечают Е.Л. Вартанова и О.Ю. Вихрова, в последние годы стала приобретать популярность теория трех уровней цифрового неравенства, рассматривающая:

- 1) уровень доступа к технологиям;
- 2) практику применения технологий;
- 3) социальные и индивидуальные эффекты для пользователей (Вартанова, Вихрова, 2020).

Такой подход видится несколько излишним в свете того, что его сторонники намеренно заменяют право на доступ к Интернету на возможность оказания публичных интернет-услуг (электронная приемная, социальные сети органов государственной власти и др.). Здесь, как нам видится, допускается заметное смешение различных ролей Интернета: как блага и как средства получения другого блага (например, права на государственную защиту и поддержку).

В целом право на доступ к Интернету как право второго поколения обеспечивается международным сообществом и государством через комплекс мер, направленных на:

- 1) создание технических условий для беспрепятственного подключения к Интернету (прокладка сетей, установление требований к строительству зданий и линий связи, обеспечение высокоскоростной передачи данных и др.).

В частности, в 2016 г. в США была запущена программа *Lifeline*, в рамках которой гражданам с низким доходом выделялась субсидия для подключения Интернета и на прокладку широкополосного кабеля. Одновременно предприятиям предоставлялись налоговые льготы в случае оплаты за домашний Интернет своих работников¹⁵.

Позднее данная программа была воспроизведена в проекте закона США о ликвидации цифрового неравенства (*Eliminate the Digital Divide Act*). В нем закрепляется право штатов развивать собственные программы широкополосной связи и оплачивать услуги Интернета лицам с низким доходом. До настоящего времени этот закон, однако, не принят¹⁶.

- 2) развитие навыков пользователей информационно-коммуникационных сетей (обучение пожилых людей, организация курсов программирования).

Право граждан на обучение эффективно реализуется во многих странах.

Так, Правительство Великобритании подготовило Руководящие принципы *Assisted Digital*. Они включают рекомендации о том, как писать контент для государственных веб-сайтов простым языком, использовать изображения

¹⁵ Seamans R. (2020) Three Policies To Address The Digital Divide. Forbes, 7 May. Available at: <https://www.forbes.com/sites/washingtonbytes/2020/05/07/three-policies-to-address-the-digital-divide/?sh=5847679b6014> (accessed 03 October 2022).

¹⁶ All Information (Except Text) for S.922 - Eliminate the Digital Divide Act of 2021. Congress.gov (n.d.). Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/922/all-info> (accessed 03 October 2022).

для поддержки текста и повышать доступность для людей с ограниченными возможностями¹⁷.

Португалия предлагает один из самых высоких показателей цифровых государственных услуг в ЕС. Чтобы граждане могли использовать эти услуги для взаимодействия с местными и центральными органами власти, в рамках проекта, финансируемого ЕС, было создано более 600 мест для граждан – мест, куда люди могут пойти и узнать, как использовать необходимые им цифровые услуги. Это не только привело к более широкому использованию доступных услуг, но и помогло повысить цифровую грамотность по всей стране¹⁸.

Отличительной чертой права на Интернет как права второго поколения является то, что степень его реализации напрямую зависит от экономических, политических, социальных, а в ряде случаев – и климатических условий отдельного государства. По этой причине невыполнение им обязанностей по предоставлению доступа к Интернету долгое время не предполагало наступление юридической ответственности. Однако по мере расширения технических возможностей суды стали более жестко подходить к оценке нарушения позитивного права на Интернет.

В этой связи интерес представляет дело Кайла Дж. против Калифорнии (*Cayla J. v. State of California*). В иске, поданном 30 ноября 2020 г., утверждается, что учащиеся с низким доходом получают менее качественное образование из-за отсутствия необходимых устройств и доступа в Интернет.

Промежуточное решение по делу суд вынес в июне 2021 г. Оно касается просьбы истцов о предварительном судебном запрете, который обяжет штат устранить неравенство в дистанционном образовании, обеспечить психологическую и поведенческую поддержку учащихся и учителей, а также разработать и реализовать план для решения проблемы потери знаний во время пандемии¹⁹.

Большой общественный резонанс в США имело дело Яззи-Мартинес (*Martinez and Yazzie v. State of New Mexico*). В 2018 г. истцы подали иск, в котором утверждали, что есть определенная группа школьников (индейцы, мигранты, дети-инвалиды), не имеющих возможности учиться из-за технологического неравенства. Истцы требовали, чтобы штат выявил детей «группы риска»

¹⁷ Government Design Principles. Gov.uk (n.d.). Available at: <https://www.gov.uk/guidance/government-design-principles#be-consistent-not-uniform>; Designing assisted digital support. Gov.uk (n.d.). Available at: <https://www.gov.uk/service-manual/helping-people-to-use-your-service/designing-assisted-digital> (accessed 03 October 2022).

¹⁸ Portugal closes the digital divide via suite of digital public services (2020) European Commission Official Web-Site, 5 April. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/projects/Portugal/portugal-closes-the-digital-divide-via-suite-of-digital-public-services (accessed 03 October 2022).

¹⁹ Superior court denies preliminary injunction in Cayla J. v. State of California. California School News (n.d.). Available at: <https://publications.csba.org/california-school-news/august-2021/superior-court-denies-preliminary-injunction-in-cayla-j-v-state-of-california> (accessed 03 October 2022); State Hasn't Met Education Duties During Pandemic, Lawsuit Alleges (2020) Morrison Foerster, 1 December. Available at: <https://www.mofo.com/resources/news/201201-education-duties-pandemic.html> (accessed 03 October 2022).

и обеспечил их необходимым техническим оборудованием, доступом в Интернет для дистанционных занятий. В 2018 г. суд принял беспрецедентное решение, признав, что штат нарушил конституционные права учащихся на надлежащее образование. Позднее это решение было подтверждено судом штата. В апреле 2021 г. он признал, что штат Нью-Мексико должен обеспечить учащихся из «группы риска» устройствами связи и доступом к Интернету²⁰.

Данная практика вышла за рамки штата. В декабре 2021 г. пять семей подали в суд на Департамент образования Нью-Йорка, обвиняя его в том, что власти отказали их детям в образовании, не предоставив им рабочие устройства, Интернет и обучение в течение последних трех учебных лет²¹.

Семьи добиваются компенсационных услуг для своих детей и приказа, обязывающего Ответчиков предоставить всем семьям работающие инструменты дистанционного обучения и инструкции в будущем, чтобы все учащиеся Нью-Йорка имели равный доступ к образованию в периоды дистанционного обучения. В настоящее время решение по делу не вынесено²².

В июле 2021 г. штат Калифорния принял Закон 130, который обязывал школы обеспечивать в приоритете очное обучение учеников. Шесть семей, у которых есть дети с нарушениями интеллекта и развития, подали в суд иск против Калифорнии, утверждая, что Закон 130 нарушает Закон об американцах-инвалидах, поскольку школьные округа «не смогли предоставить необходимые приспособления» для учащихся-инвалидов, которым необходимо дистанционное обучение. В ноябре 2021 г. Федеральный судья Северного округа Калифорнии издала временный запретительный судебный приказ в отношении Закона 130 для 15 учащихся. Для этой группы детей должны быть восстановлены условия доступа к Интернету и дистанционному обучению²³.

²⁰ Court orders NM to provide technology to at-risk students (2021) Albuquerque Journal, 30 April. Available at: <https://www.abqjournal.com/2385742/nm-ordered-to-ensure-students-have-needed-technology.html> (accessed 03 October 2022); Melhado W. (2022) Tracking the Case. Reporter, 2 March. Available at: <https://www.sfreporter.com/news/2022/03/02/tracking-the-case/> (accessed 03 October 2022); Plaintiffs in Yazzie-Martinez case seek plan for at-risk students (2020) Las Cruces Sun News, 29 August. Available at: <https://www.lcsunnews.com/story/news/education/2020/08/29/yazzie-martinez-case-plan-at-risk-students-new-mexico-education/5662858002> (accessed 03 October 2022); Victory for New Mexico Schools. Native American Budget and Policy Institute (n.d.). Available at: <https://nabpi.unm.edu/assets/documents/yazzie-ruling-victory-for-nm-schools.pdf> (accessed 03 October 2022).

²¹ Supreme Court of the state of New York (n.d.). Available at: <https://www.arnoldporter.com/-/media/files/perspectives/news/2022/remote-learning-complaint.pdf?la=en> (accessed 03 October 2022).

²² McMillan L. (2022) As Omicron Hits NYC Schools, Low-Income Families Sue to Compel City, State Departments of Education to Provide Students with Working Devices, Internet, and Instruction for Periods of Remote Learning. Arnold&Porter, 7 January. Available at: <https://www.arnoldporter.com/en/perspectives/news/2022/01/remote-learning-lawsuit> (accessed 03 October 2022); Families File Lawsuit Against New York Leaders, Departments Of Education Over Remote Learning Struggles (2022) CBS New York, 13 January. Available at: <https://www.cbsnews.com/newyork/news/new-york-remote-learning-lawsuit/> (accessed 03 October 2022).

²³ Blume H. (2001) Court order reinstates distance learning for group of disabled students. *Los Angeles Times*, 5 November. Available at: <https://www.latimes.com/california/story/2021-11-05/court-order-reinstates-distance-learning-for-disabled-students> (accessed 03 October 2022); Speakman K. (2021) Judge Orders California To Provide Distance Learning For Group Of Disabled Students. *Forbes*, 5 November. Available at: <https://www.forbes.com/sites/kimberleespeakman/2021/11/05/judge-orders-california-to-provide-distance-learning-for-group-of-disabled-students/?sh=7b45893fd134> (accessed 03 October 2022); Stokes K. (2021) California

Право на Интернет и модель гражданско-правовой цифровой дискриминации

Если в основу первой модели дискриминации заложена трактовка права на Интернет как права второго поколения, реализуемого в рамках относительных отношений «личность – государство», то концепция гражданско-правовой цифровой дискриминации строится на признании доступа к Интернету одним из важнейших условий реализации традиционных прав – на свободу слова и информации. Они относятся к первому поколению прав и являются непосредственно действующими и подлежащими судебной защите.

Некоторые авторы ставят знак равенства между правом на Интернет как правом первого и второго поколения и указывают на наличие позитивных и негативных обязательств в обоих случаях (Каришина, Железнова, 2020: 48). С этой позицией сложно согласиться ввиду различной природы возложенных обязательств.

В отношении права на Интернет как права второго поколения может быть только позитивное обязывание, обращенное к публичным структурам и выраженное в обеспечении технических, правовых и образовательных условий для активного использования ИКТ.

Что же касается права первого поколения, то здесь возможны как позитивные, так и негативные обязывания. В первом случае они выражаются в обеспечении правовой защиты и правового порядка со стороны государства, а во втором – в невмешательстве в процессы реализации личной свободы.

И именно в срезе негативных обязательств право на Интернет сегодня востребовано в международных и национальных судах. Судьи, как правило, ориентируются на защиту естественных прав и свобод, затрагивая вопрос допуска к Интернету опосредованно.

Показательно, что по состоянию на конец мая 2019 г. Европейским судом по защите прав человека было рассмотрено около 2,5 тыс. дел, где упоминается Интернет, в том числе дел, в которых ответчиком выступала Российская Федерация, – свыше 100, из них Большой палатой – пять; коммуницировано более 400 жалоб, из них 112 – против России (Антопольский, 2019).

В зависимости от характера нарушаемого естественного права можно условно выделить следующие типы цифровой гражданско-правовой дискриминации:

1) право на Интернет и свобода выражения мнений. Как показывает практика, этот вид дискриминации чаще всего рассматривается международными судами в контексте нарушения свободы выражения мнений и ин-

Schools Must Restore Distance Learning Options For Some Students With Disabilities, Federal Judge Rules. LAist, 5 November. Available at: <https://laist.com/news/education/special-education-students-with-disabilities-distance-learning-independent-study-ab130> (accessed 03 October 2022).

формации в соответствии со статьей 10 Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ) и статьей 11 Хартии ЕС о фундаментальных правах (CFR)²⁴.

Показательным в этом качестве является дело Ахмет Йылдырым против Турции (*Ahmet Yildirim v. Turkey*)²⁵.

Заявитель, турецкий аспирант, управляющий веб-сайтом на основе системы *Google*, заявил о нарушении его свободы выражения мнений, когда суд первой инстанции заблокировал любой доступ к сайтам *Google* в соответствии с национальным законодательством. Судебный запрет был обнародован в рамках уголовного дела против владельца другого веб-сайта, размещенного *Google*, содержащего контент, предположительно оскорбляющий память Мустафы Кемала (Ататюрка).

В решении ЕСПЧ было указано, что решение о блокировании доступа к сайтам *Google* нарушило статью 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом суд подтвердил право человека на доступ к Интернету, назвав его основным средством осуществления права на свободу выражения мнений и информации²⁶.

В другом решении ЕСПЧ заявитель указывал на нарушение его права получать информацию (ч. 1 ст. 10 Европейской конвенции о правах человека) ввиду отсутствия допуска к Интернету. В деле Калда против Эстонии (*Kalda v. Estonia*) от 19 января 2016 г. ЕСПЧ постановил, что право заявителя на свободу выражения мнений было нарушено в результате отказа тюрьмы предоставить ему доступ к интернет-сайтам, содержащим юридическую информацию, поскольку это нарушило его право на получение информации²⁷. Решение было принято в пользу заявителя.

Несколько иная позиция была высказана в деле Янковскис против Литвы (*Jankovskis v Lithuania*) от 17 января 2017 г. Суд посчитал, что статья 10 Конвенции не может толковаться как налагающая общее обязательство предоставлять заключенным доступ к Интернету или к определенным интернет-сайтам. Однако в обстоятельствах дела, поскольку доступ к информации, касающейся образования, предоставляется в соответствии с законодательством Литвы, Суд готов признать, что ограничение доступа к запрошенному заявителем интернет-сайту представляет собой вмешательство в право на получение информации²⁸.

²⁴ Internet access as a fundamental right. Exploring aspects of connectivity. European Parliament Official Web-Site (n.d.). Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/696170/EPRS_STU\(2021\)696170_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/696170/EPRS_STU(2021)696170_EN.pdf) (accessed 03 October 2022).

²⁵ Case of Ahmet Yildirim v. Turkey. Judgment of 18 December 2012. European Court of Human Rights Official Web-Site. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{"itemid":\["001-115705"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{) (accessed 03 October 2022).

²⁶ Yildirim v. Turkey. Global Freedom of Expression (n.d.). Available at: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/ahmed-yildirim-v-turkey/> (accessed 03 October 2022).

²⁷ Case of Kalda v. Estonia. Judgment of 19 January 2016. European Court of Human Rights Official Web-Site. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-160270"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed 03 October 2022).

²⁸ Case of Jankovskis v. Lithuania. Judgment of 17 January 2017. European Court of Human Rights Official Web-Site. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-170354"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{) (accessed 03 October 2022).

2) право на Интернет и нарушение права на частную жизнь. Это тип цифровой дискриминации встречается при проведении расследований, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на обеспечение национальной безопасности.

В качестве примера можно привести дело K.U. против Финляндии, рассмотренное ЕСПЧ. На сайте знакомств была размещена ложная информация сексуального характера, и провайдер отказался раскрыть информацию о личности клиента по запросу полиции. Национальные суды не нашли в законе положения, которое обязывало провайдера в нарушение профессиональной тайны раскрыть идентификационные данные в случае подозрения в совершении нетяжкого преступления, такого, как клевета. Но ЕСПЧ посчитал, что приоритетным является не свобода мнений, а интересы безопасности и защита прав и свобод других лиц (п. 49), и признал нарушение ст. 8 Конвенции (Семилетов, 2011).

Интересно, что в аналогичном деле Роман Захаров против Российской Федерации позиция суда была прямо противоположной. Заявитель жаловался на то, что операторы служб связи создавали возможности для спецслужб прослушивать его разговоры. В своем решении ЕСПЧ указал на то, что «положения законодательства Российской Федерации, регулирующие прослушивание связи, не содержат адекватных и эффективных гарантий против произвола» и соответственно на них не может основываться право человека, необходимое в демократическом обществе²⁹;

3) право на Интернет и защита частных прав других лиц. В национальных и международных судах все чаще ставится вопрос о возможности цифровых ограничений для защиты прав третьих лиц.

В качестве примера можно упомянуть дело Акдениз против Турции. Суд признал неприемлемой жалобу на блокировку сайта по обмену музыкальными файлами, тем самым посчитав, что свобода самовыражения в Интернете может быть ограничена реализацией авторских прав третьих лиц³⁰;

4) право на доступ к Интернету и право на забвение (*right to be forgotten*). Право на забвение было впервые утверждено в Европейском союзе в 2014 г. по итогам рассмотрения ЕСПЧ дела Google Испания против AEPD и Марио Костеха Гонсалеса³¹. Было установлено, что лицо вправе обращаться к поисковым системам с просьбой исключить из результатов поиска информацию,

²⁹ Case of Roman Zakharov v. Russia. Judgment of 4 December 2015. European Court of Human Rights Official Web-Site. Available at: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-159324%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-159324%22]}) (accessed 03 October 2022).

³⁰ Case of Akdeniz and Others v. Turkey. Judgment of 31 May 2001. European Court of Human Rights Official Web-Site. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-59482&filename=001-59482.pdf&TID=ihgdqbxnfi> (accessed 03 October 2022).

³¹ Google Spain SL and Google Inc. v Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González. Judgment of 13 May 2014. European Court of Justice Official Web-site. Available at: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=163494&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&id=10850128> (accessed 03 October 2022).

если она носит неточный, неуместный или избыточный характер. Таким образом, было установлено правило, что в отдельных случаях право пользователя Интернета на информацию может уступать по значимости праву на забвение.

Показательно, что эта практика вышла за пределы ЕСПЧ и охотно используется национальными судами.

В этом качестве интерес представляет определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 г. по делу № 88- 2685/2020. Ш. обратился в суд с иском к *Google LLC* о прекращении оператором поисковой системы выдачи ссылок, позволяющих получить доступ к информации в сети «Интернет». В обоснование требований указал, что по соответствующим ссылкам содержится информация о задержании истца и, впоследствии, прекращении в отношении него уголовного дела, которая является недостоверной, неактуальной и утратившей значение для заявителя, но создает у пользователей сети Интернет неверное представление о личности и деловой репутации истца в связи с прекращением уголовного дела и признанием права истца на реабилитацию. Истец несколько раз обращался к ответчику с требованием об удалении ссылок. Ответчик отказал в удовлетворении требования истца в связи с тем, что при рассмотрении подобных запросов сопоставляется право заявителя на неприкосновенность частной жизни с правами других лиц на распространение и получение информации, учитывается актуальность сведений и наличие общественного интереса к ним. Судебная коллегия с выводами судов первой и апелляционной инстанций об удовлетворении требований истца согласилась, доводы жалобы Google об обратном отклонила³².

Интересно апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.03.2019 г. № 33-4733/2019 по делу № 2-2741/2018. Как указано в материалах дела, лицо на своей странице ВКонтакте опубликовало изображение истицы с неприличной надписью. Она обратилась к администрации сайта с требованием удалить материал. Требование было удовлетворено ответчиком. Однако женщина посчитала эти меры недостаточными и обратилась в суд с иском о компенсации причиненного вреда и опровержении. Суд отказал в удовлетворении требований, сославшись на то, что ВКонтакте не зарегистрирован в качестве СМИ³³;

5) право на Интернет и защита авторитета публичных органов. Иллюстрацией этого вида вынужденной цифровой дискриминации служит определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 г. по делу № 88-22260/2021.

³² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 г. по делу № 88-2685/2020. Справочно- правовая система «КонсультантПлюс». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=3223#oBBBIQTKmtPNVUbX1> (дата обращения: 03.10.2022).

³³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13.03.2019 г. № 33-4733/2019. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=235396#FmkBIQT0I5la18Ut1> (дата обращения: 03.10.2022).

Ответчик опубликовал на своем *Youtube*-канале несколько роликов, в которых многократно оскорблял должностных лиц Роспотребнадзора. Суд признал в его действиях нарушения ст. 152 ГК РФ и отметил следующее: «Доводы жалобы о нарушении статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, об ограничении прав ответчика на свободу слова и о нарушении его права распространять информацию, как журналиста СМИ «Росдержава», судебной коллегией отклоняются, поскольку спорные высказывания не только носят провокационный и пренебрежительный характер, но и вышли за пределы допустимой критики органа государственной власти и рамки журналистской свободы»³⁴;

б) право на Интернет и обеспечение безопасности. Активное развитие интернет-экстремизма выводит на первый план вопрос о том, какое из прав в этом случае приоритетно и стоит ли вообще развивать их конкуренции, особенно в свете того, что в подавляющем большинстве случаев дела имеют политический подтекст.

Наглядным примером служит ситуация с отключением Интернета в Кашмире. По данным Access Now на март 2020 г., начиная с 2014 г. Интернет в Индии отключался более 365 раз³⁵.

Возможность его отключения урегулирована Правилами временного приостановления предоставления услуг связи от 2017 г.³⁶ Согласно документу, отключение возможно для поддержания общественной безопасности или в чрезвычайном положении, однако эти условия толкуются властями достаточно широко.

В январе 2020 г. Верховный суд Индии вынес решение по гражданскому делу Анурадха Бхасин против Индии и других (*Anuradha Bhasin vs Union of India & Ors.*)³⁷. В решении суд постановил, что доступ в Интернет является частью права на свободу слова и выражения, является основным правом человека и гарантирован Конституцией. Он также отметил, что:

- 1) полное ограничение Интернета должно рассматриваться государством только как чрезвычайная мера и приниматься по решению Суда;
- 2) приостановка интернет-услуг на неопределенный срок «недопустима» и такие ограничения могут быть «только временными»;
- 3) постановления об отключении Интернета должны сопровождаться подробными причинами, чтобы потерпевшие могли оспорить их в суде.

³⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 г. по делу № 88-22260/2021. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=61426#7o2CIQTlvHEL7oZv> (дата обращения: 03.10.2022).

³⁵ India restores internet in Kashmir after 7 months of blackout (2020) Aljazeera.com, 5 March. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/3/5/india-restores-internet-in-kashmir-after-7-months-of-blackout> (accessed 03 October 2022).

³⁶ Drabu Z., Hashmi A. (2020) SC Judgment on Kashmir's Internet Shutdown Ignores Both Rights and Remedies. The Wire, 13 February. Available at: <https://thewire.in/law/sc-internet-shutdown-judgement> (accessed 03 October 2022).

³⁷ Supreme Court of India. Anuradha Bhasin vs Union Of India and Ors. Judgment of 20 January 2020. Indiankanoon.org. Available at: <https://indiankanoon.org/doc/82461587/> (accessed 03 October 2022).

Но несмотря на эти важные выводы, суд, однако, напрямую не признал право на Интернет самостоятельным правом человека и не определил алгоритм правовой защиты от незаконного отключения Интернета³⁸.

Важно заметить, что практика масштабного отключения Интернета характерна не только для Индии.

Согласно данным ресурса *NetBlocks*, Интернет масштабно отключался в регионе Синьцзян на западе Китая в 2010 г. на 10 месяцев после беспорядков, в Судане в 2019 г. и в июне 2022 г. в связи с массовыми демонстрациями и протестами, в Белоруссии в августе 2020 г. в связи с беспорядками после президентских выборов. Показательно, что в последние пять лет участились случаи массового отключения Интернета в связи со сдачей государственных экзаменов. В частности, такая практика использовалась в Алжире³⁹ (2018 г.) и Эфиопии⁴⁰ (2019 г.).

Следует, однако, заметить, что вопросы массового отключения Интернета составляют крайне незначительную долю судебных споров. Гораздо более распространенными являются дела, связанные с использованием запрещенного контента.

В этом смысле интерес представляет следующее дело: между НОУ СОШ «Фриона» и ОАО «Ростелеком» был заключен договор об оказании услуг связи, согласно которому ОАО «Ростелеком» обеспечил в помещениях учебного заведения доступ к сети Интернет для сотрудников. При проведении проверки прокурором установлено, что с компьютера сотрудника учебного заведения открываются материалы, признанные экстремистскими, внесенные в список экстремистских материалов, размещенный на сайте Министерства юстиции Российской Федерации. По результатам проведения проверки в адрес Алтайского филиала ОАО «Ростелеком» внесено представление. В соответствии с ответом Алтайского филиала ОАО «Ростелеком» доступ к вышеуказанным сайтам не был ограничен. Решением Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 18.03.2015 г. исковые требования прокурора Железнодорожного района г. Барнаула Алтайского края были удовлетворены и было постановлено возложить на «Ростелеком» обязанность ограничить доступ к экстремистским материалам. Судом второй инстанции решение было признано законным и обоснованным⁴¹.

³⁸ Drabu Z., Hashmi A. (2020) SC Judgment on Kashmir's Internet Shutdown Ignores Both Rights and Remedies. *The Wire*, 13 February. Available at: <https://thewire.in/law/sc-internet-shutdown-judgement> (accessed 03 October 2022).

³⁹ Algeria blocks internet to prevent students cheating during exams (2018) *The Guardian*, 22 June. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/21/algeria-shuts-internet-prevent-cheating-school-exams> (accessed 03 October 2022).

⁴⁰ Gebre S. (2019) Exam Cheats Cited in Three-Day Internet Shutdown in Ethiopia. *Bloomberg.com*, 13 June. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-13/exam-cheats-cited-in-three-day-internet-shutdown-in-ethiopia#xj4y7vzkg> (accessed 03 October 2022).

⁴¹ Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 15.07.2015 г. по делу N 33-6427/2015/. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=143403#PveblQTM9sbk2SHv> (дата обращения: 03.10.2022).

Результаты исследования

Проведенный анализ наглядно показал, что развитие юридической концепции права на Интернет находится в начальной стадии своего развития.

Это объясняется не только масштабным и разноплановым развитием информационно-телекоммуникационных технологий, но и тем, что в настоящее время юристы так и не выработали единый подход в вопросе о том, является ли право на Интернет самостоятельно действующим благом или оно может рассматриваться исключительно в срезе традиционных естественных прав человека. Кроме того, по-прежнему открыт вопрос о том, каким юридическим обязательствам корреспондирует право на Интернет и какой (позитивный или негативный) характер они носят.

Право на Интернет представляет собой сложное многоплановое правовое явление, которое должно рассматриваться в плоскости закрепления и защиты двух групп прав:

- прав и свобод человека первого поколения (право на свободу слова и информации, права на самовыражение, права на частную жизнь и др.);
- прав второго поколения, где доступ к Интернету признается правом, подлежащим самостоятельной судебной защите.

Этот вывод косвенно подтверждается в решениях международных и национальных судов, а также в обзорах и рекомендациях экспертных организаций.

В частности, 23 июня 2022 г. Совет ООН по правам человека опубликовал доклад, в котором сообщил о суровых последствиях отключения Интернета для жизни людей и прав человека. В частности, в докладе отмечается, что «доступ к Интернету начинает повсеместно признаваться неотъемлемым средством реализации широкого спектра прав человека, и государства должны принимать все необходимые шаги для обеспечения того, чтобы все люди имели полноценный доступ к Интернету»⁴².

Предложенное выше дуалистическое понимание права на Интернет позволило выделить две модели цифровой дискриминации:

- ограничение технического доступа к Интернету (модель технологической дискриминации). Предполагается, что государство надлежащим образом не выполняет возложенные на него позитивные обязательства обеспечить проведение широкополосного Интернета, привить населению навыки обращения с ИКТ, обеспечить передачу данных в труднодоступные районы и малоимущему населению;
- ограничение права на Интернет в рамках реализации естественных прав человека (модель гражданско-правовой цифровой дискриминации). В рамках данной модели рассмотрены две группы ситуаций: реализация права на Интернет как неотъемлемого условия осуществления

⁴² Совет по правам человека: «Отключение Интернета: тенденции, причины, правовые последствия и воздействие на ряд прав человека». Официальный сайт Организации Объединенных Наций. б.д. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G22/341/57/PDF/G2234157.pdf> (дата обращения: 03.10.2022).

традиционных прав на свободу слова и информации и ограничение права на Интернет в рамках защиты частных и публичных интересов (права на частную жизнь, честь, достоинство и деловую репутацию, права на безопасность и др.).

Обсуждение результатов

Сформулированные в работе выводы представляют собой качественно новое понимание права на Интернет и его места в системе правовых категорий и принципов.

Рассмотрение доступа к Интернету как категории, являющейся самостоятельным правом второго поколения и одновременно важным условием и средством реализации прав первого поколения, позволяет снять ряд серьезных противоречий, отмеченных как в научной литературе, так и в судебной практике в части толкования корреспондирующих этому праву обязанностей.

В частности, дуалистический подход позволяет четко разграничить позитивные обязательства государства по созданию технических возможностей по предоставлению Интернета (защита права второго поколения) и обязательства по предупреждению любого рода ограничений прав на информацию со стороны третьих лиц (защита прав первого поколения). Дифференциация позитивных и негативных обязываний государств, в свою очередь, позволяет систематизировать современную судебную практику, определить границы свободы на Интернет и создать универсальные алгоритмы ее защиты.

Предложенные в работе решения не лишены недостатков и спорных моментов. Большинство из них связаны с тем, что дуалистический подход к праву на Интернет находится на начальном этапе своего развития и пока с осторожностью воспринимается международной и национальной судебной практикой.

Наглядным свидетельством этой настороженности является нежелание судов признавать наличие правоотношений по реализации права на Интернет как права второго поколения и, соответственно, отказ признавать государство виновным в непредоставлении Интернета.

Очевидно, что предложенные в работе выводы о конфликте права на доступ к Интернету с правами на частную жизнь, личную и семейную тайну, общественный порядок и безопасность не являются исчерпывающими. Но вместе с тем они дают общие представления об остроте этого конфликта и о том, что этот вопрос не только не разрешен судами, но даже корректно не поставлен.

Заключение

Право на Интернет – это комплексная категория, которая не может быть рассмотрена исключительно в плоскости обеспечения технических возможностей и преодоления цифрового разрыва (неравенства) между различными социальными группами и государствами.

Право на Интернет – это сложное многоплановое правовое явление, которое должно рассматриваться в плоскости закрепления и защиты двух групп прав:

- прав и свобод человека первого поколения (право на свободу слова и информации, права на самовыражение, права на частную жизнь и др.);
- прав второго поколения, где доступ к Интернету признается правом, подлежащим самостоятельной судебной защите.

Предложенное выше дуалистическое понимание права на Интернет позволяет выделить две модели цифровой дискриминации:

- ограничение технического доступа к Интернету (модель технологической дискриминации);
- ограничение права на Интернет в рамках реализации естественных прав человека (модель гражданско-правовой цифровой дискриминации).

Список литературы

1. Cerf V.G. (2012) Emergent Properties, Human Rights, and the Internet. *IEEE Internet Computing* 16(2): 80–88.
2. Compaine B.M. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* London, MIT Press, 374 p.
3. Fontanelli F. (2016) The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes. In: Pollicino O. and Romeo G. (eds.) *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe*. London, New York, Routledge, pp. 94–117.
4. Norris P. (2001) *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, Cambridge University Press, 303 p.
5. Tomalty J. (2017) Is There a Human Right to Internet Access? *Philosophy Now* 118: 6–8.
6. Антопольский А.А. (2019) Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека. *Труды Института государства и права РАН* 14(2):159–185.
7. Артемова С.Т., Жильцов Н.А., Чердаков О.И. (2020) Цифровой разрыв и конституционные гарантии цифрового равенства. *Конституционное и муниципальное право* 10: 41–45.
8. Асочаков Ю.В. (2015) «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика* 2: 93–99.
9. Варламова Н.В. (2019) Цифровые права – новое поколение прав человека? *Труды Института государства и права РАН* 14(4): 9–45.
10. Вартанова Е.Л., Вихрова О.Ю. (2020) Цифровая информационная открытость власти как инструмент преодоления цифрового неравенства в России. *Вопросы теории и практики журналистики* 9(4): 575–594.
11. Каришина И.Е., Железнова В.М. (2020) Особенности применения цифровых технологий как средства повышения информационной открытости органов государственной власти. *Налоги и финансы* 1(45): 45–52.
12. Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. (2019) Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки* 12(6) 26–37.

13. Семилетов С.И. (2011) Проблемы обеспечения конституционных гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в сетях связи. *Труды Института государства и права РАН* 6: 45–66.
14. Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. (2020) Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России. *Проблемы развития территории* 4(108):7–19.

Comparative Politics. Volume 13. No. 4. October–December / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-4-13-8-30

THE RIGHT TO ACCESS THE INTERNET AND MODERN MODELS OF DIGITAL DISCRIMINATION

Dr Elina L. SIDORENKO – Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Director of the Center for Digital Economy and Financial Innovation, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Nikita Yu. MOLCHAKOV – Dean, Faculty of International Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgements. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Abstract: The article proposes a systematic assessment of the right to the Internet in the context of modern legal and political challenges. The authors substantiate the thesis that the right to the Internet is a complex category that cannot be considered solely in terms of providing technical capabilities and overcoming the digital divide (inequality) between different social groups and states. Much more complex and important is the consideration of the right to the Internet in the context of the corresponding duty of states not to impede the possibility of information exchange via the Internet, as well as in the plane of the search for a “golden mean” between the right to the Internet and natural human rights.

The main purpose of the article was to determine the main features of the right to the Internet in the context of human and civil rights and freedoms and to analyze the main manifestations of digital discrimination as a consequence of the digital divide.

A detailed methodological basis of the article contributed to the achievement of the above-mentioned purpose. The research was based on a systematic method, which made it possible to consider the right to the Internet as a complex and dynamically developing legal and political category. The authors used functional and logical (deduction, induction and analogy) methods, as well as a number of particular scientific methods: historical, sociological and statistical. The

approach proposed in the article to determine the key parameters of the right to the Internet was substantiated mainly on the basis of the application of comparative legal, formal legal and axiological methods.

The methodology of the research made it possible to formulate and substantiate the conclusion that the right to the Internet in the face of modern legal and political challenges is undergoing a qualitative transformation both in the direction of expanding the positive obligations of the state to overcome the digital divide, and in the direction of restricting the right to freedom of Internet communication under the auspices of ensuring the right to privacy and the need to respect the public interest. The presence of «double standards» in determining the boundaries of the right to the Internet leads to conflicting legal decisions and allows us to predict the aggravation of this contradiction in the context of the rapid development of digital platforms and the active sanction policy of the collective West.

Keywords: right to the Internet, digital divide, digital discrimination, the secret of private life, freedom of speech, rights and obligations, digitalization, digital platforms

References:

1. Cerf V.G. (2012) Emergent Properties, Human Rights, and the Internet. *IEEE Internet Computing* 16(2): 80–88.
2. Compaine B.M. (2001) *The Digital Divide: Facing a Crisis or Creating a Myth?* London, MIT Press, 374 p.
3. Fontanelli F. (2016) The Court of Justice of the European Union and the Illusion of Balancing in Internet-Related Disputes. In: Pollicino O. and Romeo G. (eds.) *The Internet and Constitutional Law. The Protection of Fundamental Rights and Constitutional Adjudication in Europe*. London, New York, Routledge, pp. 94–117.
4. Norris P. (2001) *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, Cambridge University Press, 303 p.
5. Tomalty J. (2017) Is There a Human Right to Internet Access? *Philosophy Now* 118: 6–8.
6. Antopol'skij A.A. (2019) Prava cheloveka i Internet: praktika Evropejskogo suda po pravam cheloveka [Human rights and internet: case-law of the European Court of Human Rights]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]* 14(2): 159–185. (In Russian).
7. Artemova S.T., Zhil'cov N.A., Cherdakov O.I. (2020) Cifrovoj razryv i konstitucionnye garantii cifrovogo ravenstva [The Digital Divide and Constitutional Guarantees of the Digital Equality]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]* 10: 41–45. (In Russian).
8. Asochakov Ju.V. (2015) "Cifrovaja liberalizacija", "cifrovoe neravenstvo" i kiberneskepticizm ["Digital liberalization", "digital divide" and cyber-skepticism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Psihologija. Sociologija. Pedagogika [Bulletin of St. Petersburg State University. Psychology, Sociology and Pedagogy]* 2: 93–99. (In Russian).
9. Karishina I.E., Zheleznova V.M. (2020) Osobennosti primeneniya cifrovyh tehnologij kak sredstva povysheniya informacionnoj otkrytosti organov gosudarstvennoj vlasti [Features of the use of digital technologies as a means of increasing the information openness of public authorities]. *Nalogi i finansy [Taxes and Finances]* 1(45): 45–52. (In Russian).
10. Safiullin A.R., Moiseeva O.A. (2019) Cifrovoe neravenstvo: Rossija i strany mira v uslovijah chetvertoj promyshlennoj revoljucii [Digital inequality: Russia and other countries in the fourth industrial revolution]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Jekonomicheskie nauki [IT-Economy]* 12(6): 26–37. (In Russian).

11. Semiletov S.I. (2011) Problemy obespechenija konstitucionnyh garantij zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii pri osushhestvlenii operativno-rozysknoj dejatel'nosti v setjah svjazi [Problems of Ensuring Constitutional Guarantees for the Protection of the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation in the Implementation of Operative–Search Activities in Communication Networks]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]*6: 45–66. (In Russian).
12. Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N. Poselencheskij aspekt cifrovogo neravenstva v sovremennoj Rossii [Settlement aspect of digital inequality in modern Russia]. *Problemy razvitija territorii [Problems of Territory's Development]* 4(108): 7–19. (In Russian).
13. Varlamova N.V. (2019) Cifrovye prava – novoe pokolenie prav cheloveka? [Digital rights – new generation of human rights?]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS]*14(4): 9–45. (In Russian).
14. Vartanova E.L., Vihrova O.Ju. (2020) Cifrovaja informacionnaja otkrytost' vlasti kak instrument preodolenija cifrovogo neravenstva v Rossii [Authorities' digital information openness as a tool for overcoming digital divide in Russia]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism]*9(4): 575–594. (In Russian).